

К 100-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Дмитрия ГУЛИА

«Дума на берегу Кодора»

РАСКАЗ об этом необычном, волнующем спектакле я хочу начать со вступительных слов его режиссера — Александра Михайловича Кравцова. Они многое объясняют и сразу вводят в курс дела:

— Пройдет всего несколько месяцев, и все прогрессивное человечество, и в первую очередь советский народ, а в первую очередь Абхазия будут отмечать 100-летие со дня рождения Дмитрия Иосифовича Гулия, человека, который всего себя целиком отдал делу культуры, просвещения своего народа. Это был поэт, которому, прежде чем писать стихи, пришлось написать для своего народа азбуку. Человек, первым взявшийся воссоздать историю своего народа. Человек, который, имея уже славу, ордена, медали, оставался

всегда скромным учителем. Этот спектакль мы посвящаем ему.

Спектакль, который в тот вечер увидели сухумцы, собравшиеся в зале Абхазской государственной филармонии, назывался «Дума на берегу Кодора». В нем было много действующих лиц и всего один исполнитель — молодой артист Сергей Кокорин. «Молодой» я говорю не для того, чтобы просить какой-то скидки, снисхождения. Как раз наоборот. Для того, чтобы объяснить его абсолютную серьезность, горячую увлеченность и полную отдачу всего себя.

Сергей на сцене один. Потому что жанр, который он выбрал для себя в искусстве, — это трудный, очень трудный жанр театра одного актера. Сухумцы видят уже вторую работу Сергея Кокорина — первой был спектакль «Приключения горного витязя и его 99 братьев», сделанный по бессмертному эпосу о нартах. На этот раз в его творчестве — вновь Абхазия. Его герой — поэт Дмитрий Гулия, личность, едва ли не такая же яркая, своеобразная, громадная, как легендарный нарт Сасрыква.

«Дума на берегу Кодора» — это отнюдь не хронологическое повествование о жизни человека. Начиная свой рассказ с той печальной минуты, когда перестало биться сердце поэта, возвращая нас потом в его раннее детство, снова показывая седого, старого, большого человека, просто слушающего шум моря, и опять — юношу, или зрелого мужа, или пожилого мужчину с душой увлеченного мальчика, авторы спектакля выбирают те моменты из его жизни, те штрихи характера, которые ярче всего рисуют личность.

На сцене — то, что можно только условно назвать декорацией, — легкая, прозрачная ширма,

на которой профиль Дмитрия Гулия. Профиль, наводящий на мысль и о снежных вершинах, и о горном орле, и о чем-то еще очень чистом, сильном и добром. На Сергее Кокорине обыкновенный черный костюм, даже рубашка черная. Ничто не привлекает внимания — ничто, кроме слов, которые мы слышим, кроме интонаций, к которым напряженно прислушиваемся. Даже жест Сергея очень скуп — его почти нет, он появляется редко-редко. Но какой-то силой артист заставляет зал видеть то, о чем рассказывает. Ведь все это мы видим, видим...

Вот смешной мальчуган, рассматривающий невиданное:

«Жил человек в родительском
дому

с одной ногой;
А вместо той, другой, —
ореховая,
крепкая,
прямая.
Сухая деревяшка...»

Вот и этот человек — русский солдат Григорий Петров, то добрый, веселый певун, то нервно расхаживающий по дому, рвущийся в уже невозможный для него бой... А вот целое село, страшный пожар, пламя пожара, горе, стоны, смерть:

«Над селом родимым
стон стоит,
Плачет мать у изголовья
мертвых,
Плачет мать над мертвыми
навзрыд,
Дом горит,
горит,

горит!
Рушится очаг отцов моих,
Вот уже огонь бежит
по кровле...
Память, память! Вся ты
в пятнах крови,
Даже годы не стирают их».

Сергей сумел показать нам и счастливый день Дмитрия Гулия — день его свадьбы, звон колоколов, шум пира. Сергей сумел показать поэта и в грустные дни сомнений и тревог, и в волнующий момент, когда он, замедляя сердцем, поверил, что встретил коллегу — новый, молодой поэтический талант — Иуа Когониа... Он нарисовал нам и старика с длинными до плеч волосами, белыми, как снег. Он привел нас и в его дом, о котором Константин Симонов сказал: «Его дом стал для меня дверью в эту страну. Он был удобен для гостей, а не для хозяев. В нем всегда было шумно, много народу. Врачи считали, что слишком много, он — нет». Сергей сумел убедить нас всем своим спектаклем, что жить стоит только так, как жил этот человек, только так, как сказал в своих строчках Назым Хикмет:

«Послушайте, доктор!
Это же сердце —
Оно только тем и живет,
что бьется.
И если от горя
Или от радости
разорвется, —
пусть рвется!».

В тот вечер на этом спектакле было все, что наполняет смыслом жизнь человека — большой труд, большая любовь и бесконечная благодарность тому, кто был щедр на эти человеческие проявления. И принесли в столицу Абхазии, на родину ее великого сына Дмитрия Гулия этот спектакль два человека. И мне кажется символическим, что оба они из Москвы — столицы многонационального Союза Советских Социалистических Республик.

Ю. ГЕРИЯ.

На снимке: артист С. Кокорин.